

Когда Е Шуанчэн очнулся, за окнами уже сгустились сумерки. В комнате теплилась одинокая свеча, но её робкий огонёк едва рассеивал полумрак.

Юноша лежал пластом, уткнувшись лицом в подушку и не в силах шевельнуться. Израненные ладони нещадно горели, а спина ныла от тупой, изнуряющей боли. В тишине пустой спальни он наконец позволил себе жалобно всхлипнуть. Глаза защипало от подступивших слёз, но он упрямо сжал зубы, не дав ни одной капле скатиться по щеке.

— Шуанчэн.

Е Чжэнь появился словно из ниоткуда. Окинув младшего брата мимолётным взглядом, он подошёл к комоду и зажёл ещё несколько свечей. Комната мгновенно залилась ярким, ровным светом. Шуанчэн, не успев привыкнуть к резкой перемене, зажмурился и попытался потереть глаза тыльной стороной ладони, но тут же испуганно зашипел от пронзившей пальцы боли.

Заметив, что старший садится на край постели, он сперва хотел отвернуться, но, вспомнив о чём-то, нехотя поджал губы.

— Брат... — едва слышно позвал он и тут же зарылся лицом в мягкое одеяло, оставив снаружи лишь макушку с растрёпанными чёрными волосами.

Е Чжэнь нахмурился. В его глазах промелькнуло сложное, нечитаемое чувство. На лбу Шуанчэна снова выступила испарина; влажные пряди прилипли к вискам, отчего его лицо казалось ещё более бледным, юным и беззащитным.

Старший брат невольно протянул руку и коснулся его лба, но юноша вздрогнул и испуганно сжался. Сердце Е Чжэня сжала мимолётная жалость. Он вовсе не желал причинять мальчишке такие страдания, но, поразмыслив, решил ничего не объяснять. Этот урок Шуанчэн должен был усвоить накрепко.

В дверь тихо постучали, и в спальню скользнул слуга.

— Господин, прикажете подавать ужин?

Е Чжэнь едва заметно кивнул:

— Принеси чего-нибудь лёгкого.

Слуга поклонился и исчез. Наклонившись к самому уху брата, Е Чжэнь негромко произнёс:

— Шуанчэн, раз уж проснулся, нужно поесть.

Одеяло зашевелилось. Юноша заворочался, пытаясь приподняться на локтях, но израненные ладони не держали вес, и он со стоном бессильно ткнулся носом обратно в подушку.

Е Чжэнь на мгновение нахмурился, но тут же смягчился. Он осторожно подхватил брата под мышки, приподнял и с помощью подросшего слуги бережно перенёс его на мягкую кушетку.

Шуанчэн сидел на кушетке, насупившись и не проронив ни слова. Когда принесли поднос с едой, он нехотя поднял голову. Е Чжэнь протянул ему пиалу с тёплым рисовым отваром.

— Проголодался? Поешь пока жидкой каши. Я не знаю твоих нынешних предпочтений в еде, так что, если захочешь чего-то особенного, просто скажи управляющему.

Длинные, густые ресницы Шуанчэна дрогнули, и он снова опустил глаза. Познакомившись с суровым и беспощадным нравом старшего брата, он никак не мог привыкнуть к этой внезапной мягкости. А ведь когда-то, в далёком детстве, Е Чжэнь часто качал его на руках, баловал, запускал с ним бумажных змеев и учил держаться в седле. Эхо того беззаботного смеха до сих пор жило в его памяти.

Шуанчэн шмыгнул носом, потёр покрасневшие глаза неповреждённой частью запястья и тихо, с обидой пробормотал:

— У меня руки болят. Корми меня сам.

В глазах Е Чжэня проскользнула тёплая усмешка.

— И не стыдно? Такой взрослый лоб, а всё капризничаешь, как дитя, — мягко попенял он, однако без лишних слов взял фарфоровую ложку и поднёс к его губам.

Проглотив порцию нежной каши, Шуанчэн облизнулся и проворчал:

— Если я такой взрослый, зачем тогда пороть меня, как сидорову козу? А теперь даже ложку подержать жалко?

Е Чжэнь невольно улыбнулся:

— Веди себя прилично, и розги тебе больше не грозят.

Шуанчэн прекрасно понимал, что «вести себя прилично» — задача для него почти невыполнимая. Снова насупившись, он решил направить всю свою досаду на еду и принялся уплетать кашу с таким аппетитом, будто ничего вкуснее в жизни не пробовал. Простая рисовая похлёбка показалась ему невероятно сладкой и ароматной.

Миска опустела в мгновение ока. Пока Е Чжэнь наполнял её снова, Шуанчэн недовольно надул губы:

— Брат, ну у тебя и рука... тяжёлая! Я ведь твой единственный родной брат. Всё равно когда-нибудь придётся делить семейное имущество, и я заберу свою долю. Вот отстрою себе собственную усадьбу, съеду от тебя, и попробуй тогда до меня дотянись!

Е Чжэнь лишь спокойно парировал:

— Я твой старший брат. Сколько бы лет тебе ни исполнилось, ты останешься под моей опекой. Так что, если не хочешь снова отведать розог, будь добр, ходи по струнке. Ты только приехал в столицу и никого здесь не знаешь. Дам тебе немного времени освоиться, а потом отправлю в академию.

Шуанчэн вытаращил глаза от ужаса:

— Брат... Пощади! Какая ещё академия? Не хочу я учиться!

— Вот как? — Е Чжэнь приподнял бровь. — Предпочитаешь, чтобы я лично занялся твоим образованием? С ежевечерней проверкой уроков и розгами за каждую ошибку?

— Нет-нет-нет! — испуганно замахал руками Шуанчэн, едва не взыв от боли в ладонях. — Я пойду! В академию так в академию, только сам меня не учи!

Е Чжэнь занимал пост Главы Внутреннего кабинета, и на его плечах лежал колоссальный груз государственных забот. После поездки в Биньчжоу дела в столице требовали его неотлучного присутствия. Будучи человеком молодым, но исключительно одарённым и исполнительным, он с головой ушёл в работу. К тому же на него были возложены обязанности наставника нескольких принцев. Он уходил на службу на рассвете и возвращался глубокой ночью, так что с младшим братом они почти не виделись. Е Чжэнь лишь строго наказал управляющему поместья пылинки сдувать со второго молодого господина.

Суровая взбучка подействовала на Шуанчэна отрезвляюще. Несколько дней он сидел тише воды, ниже травы. Безвылазно обретаясь в Восточном дворе, он развлекал себя беседами с верным слугой Цю Минем да безобидно заигрывал с молоденькими служанками. Время шло незаметно. Когда ссадины и синяки затянулись, а ладони перестали саднить, юноша почувствовал небывалую лёгкость во всём теле и решил выбраться наружу. Управляющий поначалу приставил к нему соглядатаев, опасаясь новых выходок, но, убедившись, что молодой барин лишь чинно прогуливается по саду, успокоился и ослабил надзор.

В клане Е свято чтит традицию утренних и вечерних приветствий старших. В Биньчжоу

Шуанчэн плевать хотел на эти условности, но в столице, под бдительным оком грозного брата, ему пришлось пару дней притворяться примерным родственником. Однако вскоре он смекнул, что Е Чжэня почти никогда нет дома, и его природная наглость снова взяла верх.

В один из погожих дней, когда солнце ласково пригревало весенний сад, Шуанчэн заскучал окончательно и принялся подбивать Цю Миня на вылазку в город.

Слуга испуганно отнекивался, лепетал о гневe Главы кабинета, но против напора молодого хозяина устоять не смог. В конце концов они переоделись в неприметное платье простолюдинов и тайком выскользнули за ворота поместья через чёрный ход.

Привыкший к вольной жизни в Биньчжоу, Шуанчэн едва не задохнулся за эти дни в четырёх стенах. Оказавшись на свободе, он почувствовал себя птицей, вырвавшейся из клетки, — казалось, приделай ему сейчас крылья, и он взлетит над крышами.

Этот повеса и бездельник обожал шумные сборища. Бурлящая столичная толпа заворожала его. Разинув рты от изумления, они с Цю Минем принялись бродить по торговым рядам, заглядывая в лавки и прицениваясь к диковинкам в чайных домах.

Шуанчэн был на редкость хорош собой: тонкие черты лица, живой взгляд и благородная осанка выдавали в нём породу. Да и его юный слуга, симпатичный и розовощёкий, не уступал хозяину в миловидности. Неудивительно, что эта парочка то и дело приковывала к себе восхищённые взгляды прохожих.

Боязливый по природе Цю Минь то и дело испуганно оглядывался. Наконец он осторожно потянул хозяина за рукав и прошептал:

— Второй молодой господин, а если хозяин узнает, что мы сбежали? Что с нами тогда будет?

Шуанчэн, увлечённо рассматривавший какую-то безделушку, досадливо щелкнул слугу по лбу:

— Ну не дурак ли? Если ты не проболтаешься и я буду держать язык за зубами, откуда брат узнает? У него и так забот полон рот.

Мальчишка потёр ушибленный лоб, подумал и ухмыльнулся — а ведь верно! Страх мгновенно улетучился, и они весело принялись обсуждать, куда направить стопы дальше.

Заметив их замешательство, один из околачивавшихся поблизости зевак встрял в разговор:

— Эй, молодые господа! Коль ищете настоящего веселья, ступайте прямиком на улицу красных фонарей. В весёлых домах нынче самое раздолье: и на лодках покатают, и вином напоят, а уж красавицы там такие, что пальчики оближешь. Для благородных юношей там истинный рай на земле!

Ещё в Биньчжоу Шуанчэн прослыл завсегдатаем подобных заведений и толк в плотских утехах знал. В столице ему пока заняться было нечем, а потому слова прохожего упали на благодатную почву. Немного поколебавшись для приличия, он решительно схватил Цю Миня за руку и увлёк в указанном направлении.

Стоило им приблизиться к резным дверям публичного дома, как навстречу им выпорхнули девицы в полупрозрачных шелках, кокетливо помахивая надушенными платками:

— Ах, какие статные молодые господа к нам пожаловали! Ну же, проходите, выпейте с нами чарочку-другую!

Шуанчэн, нисколько не смутившись, вальяжно проследовал за ними внутрь. Заведение утопало в роскоши: отовсюду лились чарующие звуки лютен, звенел девичий смех, пахло благовониями и дорогим вином. Гости блаженствовали, а слуги сновали туда-сюда с подносами. Юноша довольно зажмурился — место было что надо.

Они устроились за просторным столом в уединённом уголке. Разомлев от ласкового приёма, Шуанчэн с удовольствием принял из рук хорошенькой куртизанки кубок с вином. Слово за слово, и весёлая компания уже всю предавалась пьяным забавам.

Почуввав неладное, Цю Минь вскочил с места и попытался перехватить чашу:

— Господин! Побойтесь неба, не пейте! Если хозяин вернётся вечером и почует запах перегара, он же с вас живьём шкуру спустит! Подумайте о своих многострадальных ягодицах!

Одна из девиц, сидевших у Шуанчэна на подлокотнике, капризно надула губки и заворковала обиженным голоском:

— Ах, молодой господин, ну чего вы так боитесь? Подумаешь, пара глотков славного вина! Разве это преступление? К нам приходят и знатные вельможи, и утончённые поэты, и даже принцы крови, но никто из них не дрожит так пред домашними. К чему эти глупые страхи? Вы только портите нам всё веселье!

Шуанчэн прищурился, мысленно взвешивая все «за» и «против». Е Чжэнь в последнее время днюет и ночует на службе, ему явно не до младшего брата. Да и в конце концов, он мужчина или кто? Юноша в самом соку имеет полное право развлечься в весёлом доме. Он ведь не собирается бесчинствовать, просто выпьет немного для настроения и вернётся засветло. Откуда строгому братцу узнать о его маленькой шалости?

Подумав так, Шуанчэн с напускной суровостью ущипнул слугу за мягкую щёку:

— Меньше болтай! Сам знаю, что делаю. Не маленький уже.

Цю Минь не посмел увернуться, но стоило ему открыть рот для новой жалобы, как пара предприимчивых девиц тут же заткнула его кубком сладкого ликёра. Мальчишке едва исполнилось двенадцать, алкоголя он отродясь не пробовал, а потому захмелел мгновенно. Спустя пару чарок его щёки запылали пунцовым румянцем, и он мирно захрапел, уткнувшись носом в лакированную столешницу.

Шуанчэн лишь презрительно фыркнул: «Слабак! Никакой мужской закалки». Осушив свой кубок до дна, он почувствовал, как приятное тепло разливается по жилам. Столичное вино было крепким, с лёгкой горчинкой и долгим, благородным послевкусием.

— Славное пойло! — восторженно выдохнул он.

Услышав похвалу, куртизанки защебетали ещё усерднее, наперебой ухаживая за щедрым гостем.

Поначалу Шуанчэн охотно поддерживал фривольную беседу, сыпал шуточками и заигрывал, но хмель постепенно брал своё. Язык стал непослушным, а мысли путались. Когда же одна из девиц попыталась бесцеремонно взгромоздиться к нему на колени, юноша брезгливо поморщился и оттолкнул её прочь:

— Прочь... Все вон отсюда. На сегодня хватит.

Куртизанки недоумённо переглянулись, обиженно фыркнули и, взмахнув шёлковыми рукавами, шумно покинули покой.

<http://bllate.org/book/18190/1747901>